

РАССКАЗЫ С АНЕКДОТИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ
В «СВАДЕБНОМ» ЦИКЛЕ А.П. ЧЕХОВА

Свадьба – ключевой образ у раннего Чехова. Свадьба, женихи, невесты и прочие атрибуты свадьбы, сам свадебный ритуал¹ – всё это весело обыгрывается писателем как в его рассказах, так и в переписке: *«Сейчас облачаюсь во все фразное и еду шаферствовать: доктор женится на поповне – соединение начал умерщвляющих с отпевающими»* [Н.А. Лейкину, 12 января 1886 года. Чехов, 1974, I: 180]. Ему же Чехов сообщает: *«Над моей головой идет пляс. Играет оркестр. Свадьба. В бельэтаже живёт кухмистр, отдающий помещение под свадьбы и поминки. В обед поминки, ночью свадьба... Смерть и зачатие»* [Н.А. Лейкину, 19 января 1886 года, Чехов, 1974, I: 186]. Такое событие человеческой жизни, как свадьба, формирует «свадебный цикл»² в ранней прозе А.П. Чехова, основу цикла составляют рассказы с анекдотической основой³.

Объяснение в нелюбви: «О том, как я в законный брак вступил».

Сюжет рассказа строится на объяснении в любви двух молодых людей, которых вынуждают жениться родители «ради имущественных интересов» и которые просто ненавидят друг друга.

Самокритичный автопортрет уничижителен: так видит себя «жених» спустя много лет: *«Я теперь на орангуташку похож, безобразен, хоть и украшен чинами и орденами, тогда же и я всем зверям подобен был: толстомордый, угреватый и щетинистый...»* [Чехов, 1975, II: 153]. Любит он мадмуазель Дэбе, а жениться его заставляют на Зое Желваковой. В имени «невесты» сталкиваются два значения, в которых спрессован сюжет: Зоя – «жизнь» (греч.) и «навязчивая»⁴. Имя в сочетании с фамилией дает комическую модель. Оставленные наедине в беседке, где показавшаяся старушечья рука утащила свечу, молодые вынуждены решать свою проблему. Старушечья рука вызывает ассоциации со Смертью.

Объяснение молодых людей в любви происходит в саду при свете луны. Взяв в свои руки ситуацию, жених ставит эксперимент над Зоей, посадив ее на скамью, лицом к речке: *«За речкой белела церковь, а позади церкви возвышался господина графа Кулдарова дом, в котором жил конторщик Больницын, любимый Зоей человек»* [Чехов, 1975, II: 154]. Эксперимент дал поразительный результат: молодому человеку стало жалко

¹ См. о ритуале: [Русский народный свадебный обряд, 1978; Сумцов, 1996; Русские обычаи и обряды, 2005].

² Термин условен. Понятие «свадебный цикл» введено нами. – П.П.

³ См.: [Карасик, 1997, Курганов, 1997].

⁴ Об именах см.: [Сулова, Суперанская, 1991].

девушку: *«сердце у меня съезжилось и поморщилось от жалости»* [Чехов, 1975, II: 154], после чего последовали проклятья родителям: *«Боже мой, боже мой! Царство небесное нашим родителям, но... хоть бы недельку в ау они посидели!»* [Чехов, 1975, II: 153].

Признание, сделанное заплетающимся языком, вновь получает не ожидаемый ответ. Провоцируя девушку, он надеялся на ее отказ, переложив ответственность на нее за несостоявшееся сватовство (*«Думал я раньше, что она закадрывается и откажет мне, так как сильно другого любит. Надеялся я на это страсть как, а вышло насупротив...»*) [Чехов, 1975, II: 154]. Дальнейшая активность выражается в смене ролей: он все берет на себя, прекращая эту «комедь»: *«Мне легче камень осельный на шею, чем вас за себя взять, вот что! Какого ж чёрта! Какое они имеют полное право? ...Не женюсь! На зло! Дряни этакие! Довольно уж мы им поблажку делали! Пойду сейчас и скажу, что не хочу жениться на вас, вот и всё»* [Чехов, 1975, II: 153].

Так, объяснение в любви по указке родителей сменилось объяснением в нелюбви. *«Нас все-таки поженили»* в результате путаницы, приняв их «объяснение в нелюбви», которое *«было счастливее любого любовного объяснения»* [Чехов, 1975, II: 155] за настоящее объяснение. Благородный порыв так и остался порывом. Воля родителей исполнилась вопреки всему. Оба значения женского имени сомкнулись. *«Сегодня мы празднуем нашу серебряную свадьбу. Четверть столетия вместе прожили»* – резюмирует персонаж-рассказчик, которого целует в лысину стоящая за спиной «Зюечка» [Чехов, 1975, II: 155].

«Проделки языка»: «Пропавшее дело». Предпосылая рассказу подзаголовок (водевильное происшествие), Чехов сам указывает на курьезность описываемого случая.

Обрамление сюжета «слезной рамкой» (*«Ужасно плакать хочется! Заревы я, так, кажется, легшее бы стало»*) [Чехов, 1974, I: 202] подчеркивает это. Полная безысходность в финале получает комическое воплощение: *«Теперь я лежу на кровати, кусаю подушку и бью себя по затылку. За душу скребут кошки»* [Чехов, 1974, I: 202]. В подведении итога – *«Пропало дело – и как глупо пропало!»* [Чехов, 1974, I: 202].

В центре рассказа – случай о жениховстве, сюжет – предложение. Рассказ включается в чеховский «дачный текст»: описывается происшествие на даче в Сокольниках.

Рассказчик – «книжный человек», литератор, в голове которого много различных сюжетов, мыслящий литературными аналогиями.

Функции «книжности» различны: персонаж возвышает себя через аналогии с архетипичными персонажами мировой литературы (*«Я нарядился, причесался, надушился и дон Жуаном покотил к ней»*) [Чехов, 1974, I: 202]), причем в саморефлексию включена зарисовка невесты, обнажающая характер

отношений: *«Она молода, прекрасна, получает в приданое 30 000, немножко образованна и любит меня, автора, как кошка»* [Чехов, 1974, 1: 202].

Скрытый мотив – 30 тысяч приданого, который вскользь проговаривается.

Само рандеву и «дачная» ситуация отсылают к «усадебному тексту» середины XIX в.: здесь все его атрибуты – дача, скамейка, ели, соловей, которого не слышат, цветок в руках невесты и т.д. Причем стереотипность ситуации отмечается самим рассказчиком, подверстывающим свою ситуацию под «чужую»: *«Погода была чудесная, но не до погоды мне было. Я не слушал даже певшего над нашими головами соловья, несмотря на то, что соловья обязательно слушать на всяком мало-мальски порядочном rendez-vous»*^{1b} [Чехов, 1974, 1: 202]. Книжность ситуации и в оформлении сноски, осуществляющей перевод.

При этом бездарность жениха как литератора обнажена в описании им своего состояния в ожидании объяснения: *«Я трепетал, ныл и чувствовал, что мое сердце воспалено и близко к разрыву. Пульс был горячий»* [Чехов, 1974, 1: 202].

Даже в объяснении, начатом довольно невнятно через мычание и выразительное молчание с плясавшими пальчиками Варвары («Мямля!»), использованы «книжные» сравнения («Одним словом, соберите все на этом свете существующие романы, вычитайте все находящиеся в них объяснения в любви, клятвы, жертвы и... вы получите то, что... теперь в моей груди того... Варвара Петровна! (Пауза.) Варвара Петровна!! Чего же вы-то молчите?!») [Чехов, 1974, 1: 203].

Беспорядочная речь и набор деталей, описывающих состояние автора («сердце воспалено... и близко к разрыву», «в груди стало так тепло, как будто в ней поставили самовар» [Чехов, 1974, 1: 203]), вновь выдают его бездарность: причем «книжное» перебивается «естественным»: *«Она молодец! Пока я возился с ее руками, она положила свою головку мне на грудь, причем я в первый только раз уразумел, какую роскошью были ее чудные волосы»* [Чехов, 1974, 1: 203].

Сюжет совершает неожиданный поворот именно тогда, когда он понял, что «она в моих руках», и мотивирован он, по выражению самого жениха, желанием порисоваться: *«Мне захотелось перед моей суженой порисоваться, блеснуть своими принципами и похвастать. Впрочем, сам не знаю, чего мне захотелось...»* [Чехов, 1974, 1: 204]. Правда, здесь есть и другая мотивировка: «черту нужно было дернуть меня за язык». Та и другая скорее отражают более позднюю рефлексию жениха, уже после свершившегося.

Игра в благородство (все фразы состоят из выкриков: «Знаете ли вы, Варвара Петровна, кто я и что я? Да, я честен! Я труженик! Я... я горд! Мало того... У меня есть будущее... Но я беден... Я ничего не имею», «Я... я горд своею бедностью» [Чехов, 1974, 1: 204]., «Я привык к бедности... Я в

состоянии неделю не обедать...» [Чехов, 1974, 1: 204], и неожиданно вылетающих фраз, как у Хлестакова) и взывание к разуму невесты, купающейся в роскоши, завершились неожиданным провалом: ситуация вышла из-под контроля, поведение Вари оказалось непредсказуемым: «Благодарю вас! Вы хорошо сделали, что были со мной откровенны... Я неженка... Я не могу... Не пара вам...» [Чехов, 1974, 1: 205], «И, сделав трагический жест рукой, она ни к селу ни к городу произнесла:

– Я недостойна вас! Прощайте!» [Чехов, 1974, 1: 205].

Неоправимость ситуации мотивируется проделками языка: «Когда я пришел в себя и вспомнил, где я и какую грандиозную пакость соорудил мне мой язык, я взвыл» [Чехов, 1974, 1: 206]. Возвращение уничительно: «Посрамленный, не солоно хлебавший, отправился я домой. У заставы конки уже не было. Денег на извозчика у меня тоже не было. Пришлось домой отправляться пешком» [Чехов, 1974, 1: 206].

Сказочное число «три» не работает: «Дня через три поехал я в Сокольники. На даче мне сказали, что Варя чем-то больна и собирается с отцом в Петербург, к бабушке. Толку никакого не добился...» [Чехов, 1974, 1: 206].

Пародийность ситуации заключается в путанице литературных сюжетов, на которые ориентируется персонаж: узнаваемы ситуации И.С.Тургенев («Ася») и Ф.М. Достоевского («Записки из подполья»), воссозданные в рассказе в зеркальной проекции. Так, «книжность» сыграла свою роль в судьбе человека, слишком уверенного в своих неотразимости и обаянии.

Библиографический список

1. Карасик, В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / В.И. Карасик // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 144–153.
2. Курганов, Е. Анекдот как жанр / Е.Курганов. – СПб: Гуманитар. агентство “Акад. Проект”, 1997. – 122 с.
3. Поэтика имени: сборник научных трудов / под ред. Г.П. Козубовской и И.Н. Островских. – Барнаул: БГПУ, 2004. – 125 с.
4. Русские обычаи и обряды / Авт.-сост. Н.А. Юдина. – М.: Вече. 2005. – 320 с.
5. Русский народный свадебный обряд / Под ред. Чистова К.В. и Бернштам Т.А. – Л., 1978. – 280 с.
6. Сумцов, Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды / Н.Ф.Сумцов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература». РАН, 1996 г. (Этнографическая библиотека). – 296 с.
7. Сулова, А.В., Суперанская, А.В. О русских именах / А.В.Сулова, А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л., Лениздат, 1991. – 220 с.
8. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. – М.: Наука, 1974 – 1982. Т.1. – 607 с. Т. 2. – 583 с. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1982 – 1983. – Т.1. – 583 с.

